

СОДЕРЖАНИЕ

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА. УРАЛ. 19 ВЕК

Книга 1

5

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА. УРАЛ. 19 ВЕК

Книга 2

251

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА. УРАЛ. 19 ВЕК

Книга 3

509

КНИГА 1

Глава 1

Меня убил медведь на Полярном Урале.

А очнулся я под теплым солнцем за полторы тысячи километров.

В девятнадцатом веке. В разгар золотой лихорадки.

Но я забегая вперед...

Тишина здесь особенная. Не мертвая городская, зажатая между бетонных коробок. Настоящая — та, что звенит в ушах после того, как глохнет дизель моего «ТРЭКОЛа». Каждый шорох, каждый треск ветки — целое событие. На Полярном Урале тишина — главный хозяин. А мы всего лишь гости.

Костер выхватывал из сумрака три фигуры. Меня на рассохшемся бревне. Напротив — Петровича, геолога старой закладки с лицом, похожим на карту этих гор: морщинистым, обветренным, нечитаемым для новичка. И Витьку, молодого аспиранта с горящими глазами и городским идеализмом, который еще не выветрился.

— Душевно, — выдохнул Петрович, отхлебывая чай, от которого пар шел, как из печной трубы.

— После двенадцати часов по... этому, — Витька запнулся, ища цензурное слово, — любое ровное место кажется раем.

Я усмехнулся в бороду. Дорога. Смешной. То, по чему мы сегодня продирались на моем шестиколесном «Звере», даже звериной тропой назвать язык не поворачивался. Каменные реки, что ворочались под колесами, как живые. Ледяные броды, грозящие залить движок. Мой «ТРЭКОЛ» ревел,

пыхтел, но лез. Это его работа. А моя — доставлять таких вот романтиков в задницу мира.

— Ты, парень, настоящих дорог еще не видел, — пробасил я, швыряя в огонь сухую сосновую лапу. Он сожрал ее мгновенно, с жадным шипением, окатив нас волной смолистого духа. — Вот когда под тобой хлупает болото, готовое поглотить тебя вместе с потрохами, а впереди еще сотня километров такой же радости — вот это дорога. А сегодня была так — легкая разминка.

Петрович одобрительно крикнул. Он-то знал. Не первый сезон вместе топчем эту землю. Он видел во мне не простого водилу, а часть этого пейзажа. Того, кто чувствует, где под снегом прячется трещина, а где под мхом — гиблое место.

— Андрей прав, — сказал он, глядя на аспиранта, как на неразумное дитя. — Север ошибок не прощает. Он как красивая баба — манит, обещает, а зазеваешься — подомнет, сожрет и косточек не выплюнет.

Разговор потек лениво, как смола. Пробы грунта, завтрашний маршрут, отменная тушенка. Я молчал, слушал. После армейки и трех лет фельдшером в скорой эта вольная жизнь затягивает. Никаких начальников, никаких бабок с давлением в три часа ночи. Только ты, машина и эта первобытная, равнодушная к тебе красота.

Солнце рухнуло за шербатый хребет. На иссиня-черный бархат неба кто-то сыпанул пригоршню колотых алмазов — звезд.

— Жутковато, — вдруг ляпнул Витька, поежившись. — Тишина давит.

— Привыкнешь, — буркнул я. — Главное, от костра не отходить. Хозяин шастает.

— Медведь? — в глазах пацана смешался страх и щенячий восторг.

— Он самый, — подтвердил Петрович. — Сейчас злой. Голодный. Ему что лось, что геолог — просто белок на двух ногах.

Я похлопал по карману, где лежал тяжелый цилиндр фальшфейера. Не оружие, конечно, но иногда спасает.

— Штука ненадежная, — покачал я головой, перехватив их взгляды. — Одного отпугнет, другого только разозлит. Как пьяного в кабаке. Лучшая защита — своя голова на плечах. И не совать ее, куда не просят.

Мы замолчали. И в этой тишине я его услышал.

ХРУСТЬ.

Громко. Четко. Так ломается толстая сухая ветка под чем-то неимоверно тяжелым. Слишком близко. Прямо за границей света.

Мы замерли. Три статуи у догорающего костра. Я плавно, миллиметр за миллиметром, потянул руку к карману. Сердце из груди переехало в глотку и забилося там, мешая дышать.

Из темноты донеслось рычание. Низкое, утробное, от которого кровь стынет в жилах. А потом ударил запах. Смерд мокрой псины, гнили и тухлого мяса. Запах большого, голодного зверя.

— В машину... — прошептал я, не отрывая взгляда от черноты. — Медленно. Спинай не поворачиваться...

Поздно.

Тьма раздвинулась, и на поляну вывалилась смерть. Бурая, косматая, неправдоподобно огромная. Ребра торчат сквозь свалявшуюся шерсть, а в маленьких глазках-бусинках плещется голодная ярость. Медведь. Самый страшный зверь тайги.

Он встал на задние лапы, заслоняя звезды. И в этот миг все мои знания о выживании превратились в прах. Нет времени думать. Нет времени бояться. Есть только инстинкт.

— НАЗАД! — заорал я, срывая чеку с фальшфейера.

Хлопок! В руке вспыхнул ослепительный магниевый факел. Адский красный свет залил поляну, выжигая на сетчатке перекошенное ужасом лицо Витьки и морду зверя.

Он не испугался. Он взбесился.

Рев, от которого, казалось, задрожали сосны. И он бросился. Не на геологов. На меня. На источник боли и света.

Последнее, что я помню — летящая на меня гора мышц и меха, распахнутая пасть с желтыми клыками и удар. Удар, от которого мир взорвался болью. Я почувствовал, как трещат ребра, как когти рвут грудь. Фальшфейер, шипя, покатился по земле, заливая кровавым светом эту бойню.

А потом свет погас.

***

Я очнулся от запаха теплой хвои. И боли не было.

Первая мысль была до идиотизма простой: «Живой».

Вторая — полным бредом. Боли не было. Совсем. Я сел, лихорадочно ощупывая себя. Куртка и свитер — в клочья. На груди зияет дыра. Но кожа под ней... целая. Ни царапины. Ни капли крови. Только тупая ломота во всем теле, будто меня долго пинали.

«Шок, — подсказал мозг фельдшера. — Адреналин. Раны не чувствуешь».

Я встал. Ноги вареные, но держат. Огляделся. И холодок пополз по спине.

Я был один.

Ни костра. Ни моего «Зверя». Ни Петровича с Витькой. Вокруг стоял густой, чужой лес. Высоченные сосны-мачты, чуть дальше белоствольные березы, густой подлесок. Ни следа нашего лагеря.

— Петрович! — голос сорвался на хрип. — Витька!

Ответил только ветер в листве.

Паника начала душить. Что за черт? Меня эвакуировали? Но почему бросили здесь одного, в рвань? Где вещи? Где спутниковый телефон?

Я сделал шаг и провалился в мягкий, пружинящий мох. Воздух... он был другим. Не резким, кристальным и холодным, как на Полярном Урале. А теплым, густым, пахнущим грибами и прелой листвой. И деревья... они были слишком

живыми. Не искалеченные ветрами уродцы, а лесные гиганты.

Я продрался к ручью, напился ледяной воды и посмотрел на свое отражение. То же лицо, заросшее, с парой царапин.

Где я?

Я залез на холм, чтобы осмотреться. И то, что я увидел, заставило меня забыть о медведе.

Я не узнавал эти места. Но общие очертания холмов, высота деревьев, изгиб далекой реки... Это был Средний Урал.

Невозможно. Категорически. Между нашим лагерем и этим местом — тысячи полторы километров по прямой. Неделя пути на вездеходе. А тут — один удар медвежьей лапы.

«Кома. Глюки под морфием», — пытался я убедить себя. Но мир был слишком настоящим. Ветер ерошил волосы. Пчела гудела над цветком.

Так не бывает.

Весь день я шел на юг, и с каждым шагом чувство неправильности нарастало. Ни дорог. Ни ЛЭП. Ни единого инверсионного следа от самолета в небе. За весь день. В районе, где они должны чертить небо каждые полчаса.

К вечеру я забился в скальную нишу, развел костер с помощью уцелевшей зажигалки. Лег на лапник и уставился в темнеющее небо. Ждал.

И вот они зажглись. Звезды. Миллиарды. Яркие, наглые, как осколки стекла на черном бархате. Я смотрел час. Другой. Ничего.

Ни одной ползущей точки спутника. Ни МКС. Ничего. Небо было девственно чистым. Таким, каким оно было до 1957 года.

И тут до меня дошло. Не как мысль. Как удар под дых.

Дело было не в том, где я. Дело было в том, когда я.

И это был уже не страх. Это был первобытный, ледяной ужас человека, который понял, что он не просто заблудился в лесу. Он выпал из времени.

Ужас — это не холод. Холод можно перетерпеть, забившись под лапник, прижавшись к едва тлеющим углям. Ужас — это пустота. Та самая, что раскинулась над головой вместо привычного, испещренного спутниками неба. Пустота, которая означала, что все, что я знал, все, кем я был — стерто.

Первую ночь после этого открытия я почти не спал. Мозг, привыкший к логике и порядку, бился в истерике, подсовывая одно объяснение безумнее другого. Кома. Сон. Изощенный эксперимент. Но тело не обманешь. Оно чувствовало укусы комаров, вдыхало сырой запах земли и ныло от усталости. Этот мир был настоящим. Слишком настоящим.

К утру ужас перегорел, оставив после себя только твердый, холодный шлак решимости. Я — Андрей. Я отслужил в армии. Я вытаскивал людей с того света, работая на скорой. Я водил шестиколесного монстра там, где волки боятся ходить. И я умер. И если этот мир дал мне второй шанс, я за него зубами вцеплюсь.

Первым делом — выживание. Моя зажигалка «Крикет» стала моим божеством. Я берег ее, как зеницу ока. Еда. Вода. Движение.

Я шел на юг. Просто потому, что на юге должно быть теплее и больше шансов встретить людей. Дни слились в один бесконечный марафон. Утром — ледяная вода из ручья, горсть прошлогодних ягод, найденных под листьями. Днем — ходьба. Бесконечная, тупая ходьба сквозь буреломы и овраги. Я ориентировался по солнцу и мху на деревьях, как учили в детстве. Примитивно, но работало.

На второй день голод стал невыносимым. Желудок сводило так, что темнело в глазах. На мелководье в прозрачной речушке я увидел стайку хариусов. Они стояли на течении, лениво шевеля плавниками. Рыба. Белок. Жизнь.

Я потратил час, чтобы сделать подобие остроги. Нашел молодой, прямой ствол орешника, обтесал его осколком кварца, который подобрал на берегу. Конец расщепил, вставил

клин и заточил четыре зубца. Получилось грубо, первобытно. Но это был инструмент. Мой первый инструмент в новом мире.

Охота была проверкой на терпение. Я стоял в ледяной воде, не шевелясь, пока ноги не сводило судорогой. Рыба была пугливой. Несколько раз я промахивался, и косяк мгновенно исчезал. Но я был упрямее. Когда острога наконец пронзила серебристое тело, я заорал от восторга. Дико, первобытно.

Я зажарил ее на палочке, едва дождавшись, пока она пропечется. Никогда в жизни я не ел ничего вкуснее. Эта рыба была не просто едой. Она была доказательством. Я могу. Я выживу.

Шли дни. Я вспомнил как находить съедобные корни, различать следы. Мое тело, изнеженное цивилизацией, грубело. Руки покрылись мозолями, лицо обветрилось. Рваная куртка превратилась в лохмотья. Я все больше походил на дикаря. Но мозг работал. Он впитывал, анализировал. Лес был тот же, уральский. Но какой-то другой. Более дикий, нетронутый. Ни одной пластиковой бутылки, ни одного окурка. Девственный.

И вот, на пятый или шестой день пути, я наткнулся на нее. Просека. Неровная, прорубленная, очевидно, вручную, но это была она. Дорога. След человека.

Сердце забилося чаще. Я двинулся вдоль нее, ступая с осторожностью зверя. И вскоре услышал голоса. И стук металла о камень.

Я подполз к краю неглубокого оврага и замер, вжимаясь в папоротники.

Картина, открывшаяся внизу, была как ожившая страница из учебника истории. Десятка два мужиков. Бородатые, в каких-то нелепых портах, подпоясанных веревками, в рубахах из грубого полотна. Некоторые были в овчинных тулупах, несмотря на тепло. На ногах — лапти или тяжелые, грубые сапоги.

Они работали. Примитивными кирками с короткими ручьятками долбили склон оврага, ссыпали породу в деревянные лотки и промывали ее в ручье. Золото. Я понял это сразу. Золотая лихорадка. Та самая, про которую я зачитывался еще в школе. Урал, начало XIX века.

Мозг отказывался верить. Одно дело — пустые звезды. Другое — вот они, живые люди из прошлого, в десятке метров от меня. Я лежал, не в силах пошевелиться, оглушенный этим зрелищем. Они кричали, ругались, смеялись.

Один из них, здоровенный детина с рыжей бородой лопатой, выпрямился, разгибая спину, и его взгляд случайно скользнул вверх. Прямо на меня.

На секунду он замер. Его глаза расширились. Он что-то промывал, ткнув в мою сторону грязным пальцем.

Разговоры смолкли. Десятки голов повернулись в мою сторону. Наступила звенящая тишина, нарушаемая только журчанием ручья. Я попался. Как мышь в мышеловке.

Вставать не было смысла. Я просто сел, поднимая руки, показывая, что они пусты.

Оцепенение старателей длилось недолго. Оно сменилось враждебностью. В их глазах я был чужаком. Опасностью. Двое отделились от толпы и полезли вверх по склону. Один, тот самый рыжебородый, второй — жилистый, чернявый, с цепким, злым взглядом.

Я встал им навстречу. Они остановились в паре шагов, разглядывая меня с головы до ног. Мои рваные, но явно нездешнего покроя штаны и остатки свитера. Мое бритое, если не считать недельной щетины, лицо. Мои волосы, коротко стриженные.

— Ты чей будешь, барин недобитый? — прохрипел рыжий. От него несло потом, луком и махрой. Вопрос был брошен как камень.

Язык. Они говорят по-русски. Слава богу. Мозг, вышедший из ступора, заработал с бешеной скоростью. Легенда. Нужна легенда.

— Я... — голос прозвучал чужим, севшим. Я откашлялся. — Дворянин я. Ехал в карете... на завод. Разбойники напали. Всех побили, имущество забрали. Я в лес бежал, несколько дней плутал...

Рыжий хмыкнул, не веря ни единому слову. Чернявый обошел меня кругом, как диковинного зверя. Его взгляд остановился на моих ботинках. Старые трекинговые ботинки, потрепанные, но все еще крепкие. С рифленой подошвой и шнуровкой через металлические люверсы.

— Барин, говоришь? — протянул чернявый. — А сапоги-то у тебя диковинные. И одежда... не нашего шитья.

Он шагнул вперед и грубо ткнул меня в грудь. Я пошатнулся, но устоял на ногах. Инстинкт требовал врезать в ответ, но я понимал — меня тут же забьют насмерть.

— Говорю же, разбойники... все сняли, а это тряпье бросили, — соврал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я Андрей. Андрей Воронов.

Рыжий сплюнул под ноги.

— Врешь ты все, гладкая морда. Нет тут ноне никаких разбойников. А кареты по этим тропам не ездят.

— Что с ним делать, Прохор? — спросил чернявый, не сводя с меня глаз. — Может, прикопать от греха?

— Погодь, Захар, — остановил его Прохор. — Вишь, не боится. И говорит чисто. Не похож на беглого каторжника. А ну, выворачивай карманы!

Я медленно вывернул карманы. Пусто. Только она. Мое сокровище. Зажигалка.

Я выложил ее на ладонь. Красный пластиковый овальчик с металлическим колесиком.

— Это что еще за блоха? — нахмурился Прохор.

— Огниво, — сказал я. И, чтобы доказать, чиркнул колесиком. Вспыхнул крошечный язычок пламени.

Оба мужика отшатнулись, как от змеи. Захар даже перекрестился. Внизу, в овраге, слышался изумленный гул.

— Колдун, — прошептал Захар.

— Заткнись, дурень, — шикнул на него Прохор, но в его глазах тоже появился страх, смешанный с жадным любопытством. Он осторожно, двумя пальцами, взял зажигалку. Повертел. — Штука занятная. Откель взял?

— Подарок. Заморский, — ответил я, решив ковать железо, пока горячо.

Прохор сунул зажигалку за пазуху.

— Ладно. Врать ты мастер, поглядим. Убивать не станем. Пока. Пойдешь с нами в поселок. Там приказчик решит, что с тобой делать. А дернешься — пеняй на себя.

Он развернулся и пошел вниз. Захар подтолкнул меня в спину дулом старого, еще кремневого ружья, которое я до этого и не заметил.

Так, под конвоем, я спустился к ним в овраг. Остальные старатели расступились, провожая меня молчаливыми, тяжелыми взглядами. В них не было сочувствия. Только подозрительность и затаенная враждебность. Я был чужим. А чужих здесь не любили.

Мы шли около часа. Дорога превратилась в грязное месиво, разбитое сотнями ног и копытами. Наконец, лес расступился, и я увидел его.

Это был не город. И даже не деревня. Это был частокол. Высокий, из заостренных бревен, с единственными воротами и смотровой вышкой. Грязный, неуютный, временный, как и жизнь его обитателей. За стенами виднелись крыши грубых срубов, из труб которых тянулся дым.

Ворота со скрипом отворились, и мы вошли внутрь. Запах ударил в нос — смесь перегара, нечистот, дыма и чего-то еще, кислого и неприятного. Внутри было тесно. Между кривыми избами по колено в грязи бродили такие же бородатые мужики. Кто-то тащил мешок, кто-то рубил дрова, кто-то просто сидел на завалинке, тупо глядя в пустоту.

Каждый взгляд, брошенный на меня, был как укол. Они оценивали, взвешивали. Я чувствовал себя голым под этими взглядами.

Прохор провел меня через всю эту клоаку к самому большому срубам, у которого на крыльце стоял вооруженный мужик.

— К приказчику, — коротко бросил Прохор. — Чудного привели.

Меня грубо втокнули внутрь. В полутемной комнате, заваленной бумагами и счетами, за столом сидел человек. Он был единственным здесь, кто не походил на каторжника. Одетый в добротный сюртук, гладко выбритый, с холеными руками. Но глаза у него были как у Захара — цепкие и злые.

Он поднял на меня взгляд, и я понял — мой первый и главный экзамен в этом мире начинается прямо сейчас.

Глава 2

Приказчик, чьего имени я не знал, отложил перо. Он не спешил. Он рассматривал меня так, как Петрович разглядывал интересный образец породы: с холодным, оценивающим любопытством. Изучал рваную синтетику моей куртки, странный крой штанов, мое лицо, лишенное привычной для этих мест окладистой бороды.

— Значит, Андрей Воронов, — произнес он ровным, безэмоциональным голосом. — Дворянин, говоришь?

— Так точно, — я старался стоять прямо, хотя ноги гудели от усталости, а в желудке урчало так, что, казалось, это слышно было по всей комнате.

— И на какой же завод путь держал, господин Воронов?

Мозг ускоренно перебирал обрывки знаний из школьной истории и краеведческих музеев. Демидовы. Строгановы. Кто тут был главным?

— На Невьянский, — брякнул я первое, что пришло в голову. — К родственникам по материнской линии.

Он слегка приподнял бровь.

— Невьянский... Далече забрался. И говоришь, разбойники? Странно. Места у нас дикие, но тихие. Народ все больше

делом занят, грабить на больших дорогах некому. Да и где она тут, дорога-то?

Он смотрел прямо в глаза. Это был не Прохор с его прямолинейной агрессией. Этот был тоньше. Опаснее. Он играл, расставлял ловушки в каждом вопросе.

— Напали на тракте, верст за сто отсюда, — импровизировал я на ходу. — Карету разбили, кучера с охранником убили. Я чудом в лес ушел. Плутал, пока на ваших людей не наткнулся.

— И что же, все отняли, а сапоги диковинные оставили? — он кивнул на мои ноги. — И огниво заморское? Прохор скзывал, у тебя вещь чудная.

Он протянул руку. Прохор, стоявший у двери, вытащил из-за пазухи мою зажигалку и почтительно положил на стол перед приказчиком. Тот взял ее в руки, повертел, потрогал пластик, покрутил колесико. Не чиркнул. Боится? Или просто не понял, как?

— Подарок, — повторил я свою легенду. — Англицкий. Родственник из столицы привез.

— Англицкий... — протянул он, и в глазах его мелькнул алчный огонек. — Что ж, может и так. А может, ты шпынь какой залетный. Или беглый. С каторги нынче много кто бежит.

Он встал, подошел ко мне вплотную. Ростом он был мне по плечо, но от него веяло властью. Той самой, что позволяет решать, кому жить, а кому гнить в яме. Он грубо схватил меня за подбородок, поворачивая голову к свету.

— Морда не битая. Руки... — он перехватил мою ладонь, перевернул. Мозоли от остроги и таскания дров были свежими, но кожа под ними была еще относительно мягкой. — Не похожи на рабочие. Но и не барские. Кто ты таков, Андрей Воронов?

Я молчал, выдерживая его взгляд. Любой ответ сейчас мог стать последним.

Он отпустил меня так же резко, как и схватил. Вернулся к столу, взял зажигалку.

— Ладно. Верится с трудом, но... доказательств обратного у меня нет. Прикопать тебя в овраге — дело нехитрое, да только зачем? Пользы никакой. А работные руки тут всегда в цене.

Он бросил зажигалку в ящик стола и задвинул его. Мое сердце ухнуло. Последний привет из моего мира только что был конфискован.

— Значит, так, «господин Воронов», — в голосе его зазвенел металл. — Дворянство свое можешь засунуть... куда подальше. Здесь все равны. Кто работает — тот ест. Кто не работает — тотдохнет. Если хочешь, можешь пойти в артель к Прохору. Будешь породу таскать. За харчи и место на нарах. Ну или если есть чем — плати. А там поглядим. Если ты и вправду тот, за кого себя выдаешь, то как-нибудь свяжешься со своими родичами. А если нет... — он не договорил, но угроза повисла в воздухе плотнее дыма. — Прохор! Забирай. И глаз с него не спускать.

Прохор коротко кивнул и грубо дернул меня за рукав.

— Пошли, барин. Рабочий день еще не кончился.

Меня вывели из конторы приказчика обратно в грязь и вонь поселка. Я шел, оглушенный. Я выкрутился. Пока. Меня не убили. Но я стал бесправным существом, чья жизнь зависела от прихоти вот этого рыжебородого детины и его начальника. Цена моей жизни — миска похлебки и угол на нарах. А цена моей свободы — красная пластиковая зажигалка.

До вечера я таскал тяжеленные деревянные бадьи с породой от забоя к промывочным лоткам. Мышцы, не знавшие такую нагрузку, горели огнем. Руки стерлись в кровь в первый же час. Я работал молча, на автомате, под постоянной руганью Прохора. Остальные старатели косились на меня, но молчали. Я был чужаком, не таким, как все.

Когда солнце начало клониться к закату, Прохор объявил конец рабочего дня. Работа кончилась. Люди, измотанные, черные от грязи, побрели к длинному бараку, откуда уже тянуло кислым запахом варева.